

Дэвид Хоффман

НЕИЗВЕСТНАЯ ИСТОРИЯ ГОНКИ ВООРУЖЕНИЙ¹

Поздним вечером воскресенья, 5 января 1986 г. маршал С.Ф. Ахромеев, начальник советского Генерального штаба, позвонил своему заместителю, генерал-полковнику Н.Ф. Червову. Тот возглавлял Договорно-правовое управление Генерального штаба, которое, в частности, занималось переговорами по контролю над вооружениями. И С.Ф. Ахромеев, и Н.Ф. Червов были людьми поколения Второй мировой. Оба сделали свою карьеру в годы холодной войны. С.Ф. Ахромеев, служака старой закалки, который пообещал М.С. Горбачеву свою поддержку, сообщил генерал-полковнику Червову, что завтра тому надлежит явиться в Генштаб в 6 утра. «Полетишь к Михаилу Сергеевичу Горбачеву», – сказал своему заместителю начальник Генштаба. Генеральный секретарь тогда отдыхал на побережье Черного моря.

«Что иметь с собой и какую форму надеть?» – спросил Червов.

«С собой иметь мозги. А форму – военную», – ответил Ахромеев.

На следующее утро Ахромеев вручил Червову пакет для Горбачева и приказал личному водителю отвезти своего зама в аэропорт. У генсека того ждали к 10 утра. «Разрешите задать вопрос, – нервно спросил Червов. – Что в пакете?»

А в пакете, как ответил Ахромеев, был проект программы глобального разоружения. «Все подробности сообщишь генеральному секретарю».

После переговоров с Рональдом Рейганом на Женевском саммите в ноябре 1985 г. М.С. Горбачев был занят поиском новых идей. Когда Червов прибыл с пакетом, генсек его встретил тепло. Он тогда отдыхал в Пицунде, в доме на поросшем соснами побережье Черного моря, с просторными обшитыми деревом комнатами и рабочим кабинетом. Место было тихое, в центре заповедника. Тишину побережья нарушали лишь волны, шуршащие о мелкую гальку. Слов Горбачев понапрасну тратить не стал. Вместо этого сразу спросил: «Что привезли?»

ИСТОРИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ

В пакете было детально расписанное предложение по уничтожению ядерного оружия – всего оружия, включая американское, советское и арсеналы всех остальных ядерных стран – к 2000 г., в три этапа, с конкретными сроками по каждому этапу. Ахромеев работал над этой идеей с тех самых пор, как советская делегация покинула Женевские переговоры в конце 1983 г. К ее выработке он подключил ученых и военных из разных отраслей. Обсуждение проходило в тайне. А когда проект предложения был готов, Ахромеев отложил его в долгий ящик. В первый год Горбачева на посту генсека о своей идее он никому не говорил, считая, что подходящее время для нее еще не наступило. Достал он папку с предложением лишь в конце 1985 г. – как раз когда Горбачев занялся поис-

Ы
Ц
И
Р
Н
О
Т
С
И

ком новых идей. Заголовок документа гласил: «Предложение СССР по программе полной ликвидации ядерного оружия по всему миру к 2000 г.». Идея была весьма радикальная: заголовки газет по всему миру и одобрение со стороны антиядерного движения ей были бы обеспечены. Проработав год начальником Генштаба, из них восемь месяцев – при генсеке Горбачеве, Ахромеев хорошо понимал растущую необходимость в сокращении ядерных арсеналов. Он искренне желал снизить огромное количество накопленных к тому времени боеголовок и рассчитывал, что его предложению, сделанному от имени Горбачева, удастся если и не инициировать полное уничтожение ядерного оружия, то хотя бы привести к серьезным его сокращениям. Советский Союз к тому времени уже несколько десятилетий призывал ко всеобщему разоружению. Однако предложение Ахромеева отличало то, что в нем содержалась конкретная дата – начало нового тысячелетия.

Когда Червов достал бумаги из папки, Горбачев поначалу был настроен скептически. «Что в вашей инициативе может быть нового? – спросил он. – Мы об этом говорим не переставая с 1945 г. Громыко об этом постоянно говорит в ООН. Что же теперь, генеральный секретарь должен опять это все повторить сначала?»

«Михаил Сергеевич, все, что Вы говорите – правда, – ответил Червов. – Но в прошлом были только общие декларации о необходимости ликвидации ядерного оружия. Ничего конкретного не предлагалось. У нас была лишь общая идея – мы за ликвидацию... А сейчас у нас есть полностью новая программа, в которой подробно выписаны все возможные проблемы. Ядерный вопрос с каждым днем становится все более неотложным. Я Вас прошу все-таки посмотреть на документ». Но Горбачев брать бумаги не спешил. Как будто размышляя вслух, он спросил Червова: «А если мы и на самом деле ликвидируем все ядерное оружие? На Западе говорят, что чем больше у страны ядерного оружия, тем прочнее ее безопасность. Может быть, нам тоже стоит принять такую концепцию? Как Вы думаете?»

«Михаил Сергеевич, мы все слышали заявления лидеров на Западе на эту тему, например, заявления Тэтчер. Я считаю, что это опасные заявления. Есть такая поговорка: когда оружия слишком много, оно начинает стрелять само собой. Сегодня в мире столько ядерного оружия накоплено, что оно может начать взрываться само собой... Ядерная угроза растет пропорционально росту ядерных запасов».

Горбачев все это выслушал, задал еще несколько вопросов и взял-таки папку. Бумаги он читал в полном молчании. Червову показалось, что генсек глубоко задумался. А потом сказал: «Отлично. Это именно то, что нужно».

Более того, Горбачев решил сделать предложение еще более радикальным. Почему бы в него не добавить запрет на ядерные испытания? Или на химическое оружие? Генсек взял чистый лист бумаги и начал на нем записывать свои указания. Закончив, он передал бумаги Червову, и тот немедленно полетел обратно в Москву, к Ахромееву.

Большой план Горбачева был радикальным и амбициозным. На первом этапе, который должен был продлиться от 5 до 8 лет, он предполагал прекращение всех ядерных испытаний, сокращение стратегических ядерных арсеналов обеих супердержав на 50% – до уровня не более 6000 боеголовок у каждой стороны, а также ликвидацию американских и советских ракет средней дальности в Европе, в том числе ракет *Пионер*, *Pershing-2* и крылатых ракет наземного базирования. Горбачев также потребовал, чтобы США и СССР на обоюдной основе отказались от *космического оружия* – под которым подразумевалась рейгановская программа Стратегической оборонной инициативы (СОИ).

На втором этапе, который должен был начаться в 1990 г. и продлиться 5–7 лет, США и СССР предлагалось продолжать сокращение ядерных арсеналов, но к ним теперь должны были присоединиться остальные ядерные державы: Франция, Великобритания и Китай. СССР и США также должны были уничтожить тактическое ядерное оружие. На последнем, третьем этапе, к 2000 г. все государства должны были полностью уничтожить свои ядерные арсеналы и подписать всеобщее соглашение о том, что больше ядерное оружие создаваться не будет никогда.

Читатель вполне мог бы спросить: ну и что? Разоружение к тому времени уже многие десятилетия являлось избитым советским лозунгом, а гонка вооружений лишь продолжала набирать обороты.

Однако на этот раз все было по-другому. А.С. Черняев, заместитель заведующего международного отдела ЦК, писал в дневнике о своих впечатлениях от заявления М.С. Горбачева: «У меня такое ощущение, что он действительно решил положить конец гонке вооружений, во что бы то ни стало. Он идет на этот риск, понимая, что это на самом деле никакой не риск. Никто на нас все равно не нападет, даже если мы полностью разоружимся. И для того, чтобы поставить страну на ноги, мы должны освободить ее от бремени гонки вооружений, которое лежит обузой не только на нашей экономике».

«Боже мой! – писал Черняев, – как нам повезло, что в Политбюро нашелся человек², который продемонстрировал настоящую царскую мудрость и нашел Горбачева, вытащил его из провинции – да еще в стране, где таких провинций целых 95! И благодаря этому у нас теперь есть просто находка, а не лидер: умный, образованный, динамичный, честный, способный мыслить по-новому. Да еще и смелый. Для него мифы и табу (в том числе идеологические) – ничто. Он любой из них готов разнести в пух и прах».

Когда ведущий программы *Время* начал зачитывать заявление М.С. Горбачева, в Вашингтоне было еще раннее утро. А.Ф. Добрынин, посол СССР, сразу позвонил Госсекретарю Джорджу Шульцу, чтобы уведомить его о происходящем. Незадолго до телефонного звонка прибыло и само письмо от М.С. Горбачева президенту США Рональду Рейгану с изложением нового советского предложения. Шульц и его советники немедленно принялись за анализ текста. В нем содержались как новые идеи, так и старые, к которым американцы относились безо всякого энтузиазма – например, уже не раз озвученное требование прекратить рейгановскую программу СОИ. В два часа дня Шульц прибыл на встречу с Рейганом – как выяснилось, тому изложенная в общих чертах идея Горбачева уже успела понравиться. Сам Рейган многие годы мечтал о запрещении ядерного оружия, хотя на публике он об этом говорил мало, в отличие от бесед в узком кругу. «А зачем вообще ждать до конца столетия, чтобы избавить мир от ядерного оружия?» – спросил Шульца президент.

В ту ночь Рейган писал в своем дневнике, что Горбачев, «к моему удивлению, предложил план сокращения вооружений, цель которого – уничтожить все ядерное оружие на планете к 2000 г. В предложении есть, конечно, несколько проблемных моментов, которые нам нужно будет как-то обойти. Но, по крайней мере, с точки зрения пропаганды, ход он, конечно, сделал потрясающий. Оправдать отказ от такого предложения нам было бы очень тяжело». На пресс-конференции в Белом Доме на следующий день президент Рейган сказал журналистам: «Это практически первое за всю историю предложение, которое ставит целью полное уничтожение ядерного оружия».

Но многие в Вашингтоне были настроены скептически. За четыре десятилетия концепция ядерного сдерживания успела пустить глубокие корни в американском стратегическом мышлении. «Скептики тут же принялись за работу, даже под крышей моего собственного департамента, – писал Шульц. – Никто не мог воспринять мысль о том, что мир будет двигаться в сторону уничтожения ядерного оружия». Уже 25 января госсекретарь собрал небольшую рабочую группу из ключевых официальных лиц, стремясь обойти неповоротливый межведомственный процесс принятия решений в Вашингтоне. Группа встречалась каждую субботу по утрам. Главным оппонентом Шульца на этих встречах выступал директор ЦРУ Роберт Гейтс.

Шульц верил в искренность Горбачева, которого он считал человеком «смелым и умным». Директор ЦРУ Гейтс, напротив, утверждал, что Горбачев – человек старой советской закалки. В письме Шульцу он утверждал: «Все наши наблюдения за Горбачевым с тех пор, как он пришел ко власти, свидетельствуют, что по ключевым политическим вопросам он пока что придерживается такой же жесткой линии, как и его предшественник». Новое предложение советского генсека, по мнению Гейтса, являлось «тактически удачным ходом» – который, тем не менее, «никак не меняет базовых советских позиций».

В понедельник 3 февраля Рейган проводил в зале совещаний Белого Дома встречу со своими главными советниками. На повестке дня стоял ответ на горбачевское предложение. «Некоторые хотели представить советскую инициативу как не более чем пропагандистский трюк, – писал Рейган позднее. – Я от такого хода отказался. Вместо этого я предложил заявить, что общие цели горбачевского плана мы разделяем, но теперь нужно договориться о конкретике. Если это действительно всего лишь пропагандистский трюк, то это всем станет понятно по советской позиции на переговорах. Я также предложил сделать заявление, что мы продолжим работать над СОИ, и если исследования покажут, что создать противоракетную оборону реально, то мы найдем способ использовать такую систему ПРО для защиты от ракетного удара всего мира, а не только Америки».

Горбачев, тем временем, не сбавлял темпа. Он позвонил Черняеву и предложил ему стать своим советником по национальной безопасности. В 1950-х гг. Черняев работал в Праге в редакции нового партийного журнала *Проблемы мира и социализма*. Атмосфера в Праге была относительно более открытая, чем в Москве. Это произвело на Черняева глубокое впечатление. Вернувшись в Москву и проработав два десятилетия в аппарате ЦК, он не терял надежд на проведение либеральных реформ, несмотря на глубокие разочарования того времени – в том числе подавление *Пражской весны* Москвой и советское вторжение в Афганистан. Когда позвонил Горбачев, Черняев сначала сомневался, потому что ответственность ему казалась просто огромной. Ему тогда уже было 65 лет, и он боялся, что Горбачев в нем быстро разочаруется. Он хотел иметь больше свободного времени на чтение, театр, выставки и консерваторию – фактически он просто хотел спокойной и размеренной жизни. Но Горбачев был упорен. «Что скажете? – спросил он Черняева. «Михаил Сергеевич, от таких предложений не отказываются», – ответил тот.

В непростые последующие годы Черняев всегда оставался человеком Горбачева и ключевым членом группы реформаторов-интеллектуалов, которые генерировали новые идеи и концепции периода гласности и перестройки.

Горбачев тем временем продлил на три месяца односторонний советский мораторий на ядерные испытания – однако Рейган последовать его примеру отказался. А 22 марта 1986 г. США произвели подземный взрыв мощностью 29 кт. Ядерное устройство под кодовым именем *Гленко* было взорвано на уровне 670 м под землей в пустыне Невада. Горбачев от ответного возобновления испытаний воздержался, но на встрече с ближайшими соратниками 24 марта высказал свое глубокое разочарование решением американцев. По его мнению, их отказ от моратория продемонстрировал, что они «не собираются разоружаться». «Ну, чего же Америка хочет?» – в сердцах воскликнул в тот день Горбачев. «Складывалось впечатление, что мы опять скатываемся назад к конфронтации», – вспоминает Черняев.

Горбачев же опять взялся за упрямую рейгановскую мечту – программу *Звездные войны*. Он пообещал, что асимметричный ответ СССР сможет полностью нейтрализовать программу, а стоить при этом будет в 10 раз меньше. «Может быть, не стоит нам так бояться этой СОИ?» – спрашивал он тогда своих соратников. Это была довольно серьезная смена позиции по сравнению с его резкой критикой программы ПРО на Женевском саммите, прошедшем всего лишь несколькими месяцами ранее. «Конечно, нам нельзя просто игнорировать эту опасную программу, – говорил Горбачев, – но и заикливаться на ней тоже нельзя. Они делают ставку на то, что СССР будет бояться СОИ – в моральном, экономическом, политическом и военном смысле. Поэтому они эту программу так активно продвигают с целью нас вымотать».

В кругу своих ближайших советников Горбачев говорил: «Мы должны сделать все, что в наших силах, чтобы не позволить еще больше разорить нашу страну оборонными расходами».

Горбачев не мог понять, почему так быстро начал угасать дух Женевского саммита. В своем письме Рейгану от 2 апреля он сокрушался: «Более четырех месяцев уже прошло со времени Женевской встречи. И мы себя спрашиваем: какова причина того, что

не получилось так, как должно было получиться? Почему ситуация не улучшается?» Горбачев также жаловался на «все более гневные филиппики в адрес СССР». Выступая на Политбюро 3 апреля, он говорил: «Весь мир видит, что Горбачев вечером делает предложение, а уже на следующее утро американцы быстро его отвергают». На следующий день, 4 апреля, у него состоялся долгий разговор с двумя влиятельными лидерами Конгресса – Данте Фаселлом, демократом от Флориды, и Вильямом Брумфилдом, республиканцем Мичигана – во время их визита в Москву. «Вопросы разоружения не терпят отлагательств, – убеждал их Горбачев. – Поезд мчится вперед на огромной скорости. Сегодня у нас еще есть шанс его остановить, но завтра уже может быть слишком поздно».

ЧЕРНОБЫЛЬСКАЯ ТРАГЕДИЯ

Рано утром в субботу, 26 апреля, произошел взрыв на четвертом энергоблоке Чернобыльской АЭС. Реактор взрывом разнесло на куски. Начался пожар. Через много лет Горбачев вспоминал, что о катастрофе его уведомили телефонным звонком в пять часов утра. Однако он настаивает, что лишь к вечеру того дня узнал о том, что реактор полностью разрушен, а в атмосферу выброшено огромное количество ядерного материала. «Никто понятия не имел, что на самом деле произошла крупнейшая ядерная катастрофа, – вспоминает Горбачев. – Поначалу даже ведущие эксперты не осознавали всей тяжести ситуации».

Черняев, который в течение всего кризиса оставался рядом с Горбачевым, вспоминает, что «даже наше высшее руководство до конца не осознавало трудностей и опасностей, связанных с ядерной энергией». Он признает, что «Горбачева можно винить за то, что он доверился ответственному за эту сферу чиновникам», но добавляет, что «поскольку ядерная энергетика была напрямую связана с военно-промышленным комплексом, считалось само собой разумеющимся, что все в этой отрасли будет в полном порядке. Никто не допускал самой возможности такого *сюрприза* – как Чернобыль».

Причиной недостатка информации была сама советская система, в которой стремление скрывать правду было заложено на уровне рефлекса. На каждой ступени власти вверх и вниз по цепочке передавалась ложь. Населению правды не сказали, вместо этого нашли *козлов отпущения*. Горбачев находился на самой вершине этой прогнившей системы. Его самая крупная ошибка состояла в том, что он сразу не осознал происходящих попыток скрыть реальные масштабы проблемы. Отреагировал он на кризис слишком медленно – для такого человека действия, каким являлся Горбачев, это был момент полного паралича. Ему не удалось получить столь необходимую правдивую информацию об истинном положении дел от чиновников, возглавлявших ядерную отрасль. И хотя всего лишь годом ранее харизматичный Горбачев вплотную общался с восхищенными жителями на улицах Ленинграда, после Чернобыльской аварии он не появлялся на публике целых 18 дней. Он терпеть не мог постоянной секретности военных, но при этом сам не сказал ни слова ни своему собственному народу, ни европейским странам о нависшей над ними страшной опасности. Еще в январе он призывал к полному уничтожению ядерного оружия, а уже в апреле лицом к лицу столкнулся с реальным катастрофическим примером того, чем грозит миру ядерный взрыв – и реальность эта оказалась еще более страшной, чем его самые пессимистические предположения.

Приверженность Горбачева идеям гласности и перестройки значительно укрепилась после того, как он, наконец, понял всю серьезность происходящего в Чернобыле. Во время заседания Политбюро 3 июля он заявил: «Ни при каких обстоятельствах мы не будем скрывать от народа правду ни о причинах аварии, ни о ее последствиях». Он убеждал членов Политбюро: «Больше уходить от ответа нельзя. Если мы это все засекретим, то только сами себе навредим. Намного выгоднее для нас самих будет открытый подход». Начальник Генштаба Ахромеев вспоминает, что Горбачев тогда изменил восприятие ядерной опасности в масштабах всей страны: «После Чернобыля для наших людей ядерная угроза перестала быть чем-то абстрактным. Она стала осязаемой и конкретной. Люди стали совсем по-другому относиться ко всем проблемам, связанным с ядерным оружием».

В особенности это относилось к самому Горбачеву. Выступая по телевидению, он заявил: «Чернобыль показал, какая пропасть развернется, если мир достигнет ядерная война. В существующих ядерных арсеналах заложены многие тысячи катастроф, намного более ужасных, чем даже сам Чернобыль». Многим в то время эти слова показались пустыми. Кое-кто считал их не более чем пропагандистским маневром, задуманным, чтобы отвлечь внимание общественности от Чернобыльского кризиса и от поведения самого Горбачева во время этого кризиса. Но, как и в случае инициативы, озвученной 15 января, на этот раз пропаганда действительно отражала искреннюю позицию генсека. Вполне возможно, он тогда задавался вопросом: если в Чернобыле не было даже исправных дозиметров, если у солдат не было нормальной спецодежды, а ликвидаторам приходилось работать по наспех составленным инструкциям, то что будет, если крупный город попадет под удар ядерной боеголовки? Дымящиеся руины Чернобыля давали на этот вопрос крайне неутешительный ответ.

«В момент взрыва на Чернобыльской АЭС мы почувствовали, что такое ядерная война», – сказал Горбачев на заседании Политбюро 5 мая. А в своем засекреченном выступлении 28 мая в МИД, о котором стало известно лишь через многие годы, он эмоционально призывал дипломатов принять все возможные усилия, чтобы «остановить гонку ядерных вооружений».

Тем временем Рейган сохранял свою глубокую неприязнь к советскому коммунизму – но теперь, в начале лета 1986 г., он готов был сотрудничать с Горбачевым. В своем послании генсеку он написал: «Мы целых полгода потеряли на вопросы, которые требуют нашего личного внимания».

Когда писатель и культуролог Сьюзан Мэсси пришла на встречу с Рейганом, чтобы поделиться своими впечатлениями от недавней поездки в СССР, она была убеждена, что «Советский Союз сползает к краху»:

«В стране царил тотальный дефицит всего, и народ начал понимать, что нужно идти по пути свободного предпринимательства. Мэсси считала, что Чернобыль имел большое символическое значение. Он продемонстрировал глубокие проблемы советской науки и технологии; он показал, что руководство лжет своему народу и не контролирует ситуацию и что Компартия уже не удается скрывать свои провалы. *Чернобыль* на русском означает *полюнь*, это слово из «Откровения Иоанна Богослова» имеет привкус горечи и горя. В России сейчас часто проводят библейские параллели».

И хотя дефицит уже давно был неотъемлемой частью советской реальности, на Рейгана полный драматизма рассказ Мейси произвел глубокое впечатление. «Я не знаю другого такого исследователя, который бы настолько хорошо понимал русский народ», – написал президент после встречи в своем дневнике. А 14 мая – в тот самый день, когда Горбачев выступал по телевидению – у Шульца состоялся длительный разговор с Рейганом. В тот день госсекретарь посеял семя, которое в последующие месяцы дало дружные всходы. «Советский Союз не является всемогущей и вездесущей силой, какой его изображают Пентагон и ЦРУ, – убеждал Шульц президента. – Неправильно считать, что советская мощь постоянно растет и грозит нам полным уничтожением. Наоборот, это мы выигрываем. И не просто выигрываем, а с огромным отрывом. Идеологически они нам полностью проигрывают. У них есть только одна сильная сторона – это военная мощь. И даже здесь они имеют лишь одно истинное преимущество по сравнению с нами – это их способность разрабатывать, создавать и развертывать точные и мощные мобильные ракеты наземного базирования. СССР лучше нас умеет делать лишь одно: строить и развертывать баллистические ракеты. И это совсем не потому, что у них лучше инженеры – вовсе нет. Поэтому мы должны сконцентрироваться на сокращениях баллистических ракет. Сокращения – наша первоочередная задача».

Шульц рекомендовал Рейгану начать думать о том, чем Америка может пожертвовать за столом переговоров. «В данный момент наша позиция на этих переговорах будет сильнее, чем когда бы то ни было», – говорил Шульц. Он предлагал дать Москве понять, что Рейган будет готов принять определенные ограничения на свою программу СОВИ в обмен на более глубокие сокращения наступательных вооружений, в том числе баллистических ракет. Однако против такого предложения категорически выступал ми-

нистр обороны Каспар Вайнбергер, который призывал Рейгана не делать даже малейших намеков на готовность к компромиссу по программе своей мечты. А 12 июня Вайнбергер удивил всех. Выступая на засекреченном заседании высшего руководства в Белом Доме, он сделал радикальное предложение. Идея состояла в том, чтобы вынести за стол переговоров с Горбачевым полное уничтожение всех баллистических ракет. Именно эти ракеты – быстрые, вооруженные ядерными боеголовками и без возможности возврата после запуска – являлись главным оружием ядерной эпохи, которое не переставало беспокоить Рейгана после его посещения горы Шайенн³ в 1979 г. Идея была радикальная, и целью ее была сама основа советской военной мощи. Москва имела преимущество именно в ракетах наземного базирования типа *СС-18*, в то время как США имели преимущество на море. «Все были потрясены», – вспоминает Шульц предложение Вайнбергера. Рейган тогда лишь улыбнулся. В ту ночь он написал в своем дневнике, что такое предложение покажет, «является ли советская инициатива по разоружению искренней, или это всего лишь пропагандистский трюк».

ОДНО СЛОВО В РЕЙКЬЯВИКЕ

Тем временем Горбачев был в состоянии постоянного напряжения. В конце месяца он уехал в отпуск. Из помощников он взял с собой только Черняева, своего советника по вопросам национальной безопасности. Утром перед завтраком оба усаживались на веранде или в кабинете Горбачева, просматривали сообщения и по телефону разговаривали с Москвой. Горбачев попросил МИД в общих чертах набросать идеи для следующей встречи с Рейганом. Однако документ, который ему прислали из Москвы, содержал лишь сухой набор пунктов, практически повторяющих повестку заблокированных переговоров по контролю над вооружениями в Женеве.

Горбачев в сердцах бросил бумаги на стол. «Ну а Вы что думаете?» – спросил он Черняева.

«Не годится», – ответил Черняев.

«Конечно, не годится, это же просто полная ерунда», – согласился Горбачев.

Он попросил Черняева набросать черновик письма Рейгану с предложением в самое ближайшее время, в сентябре или октябре, провести саммит. В качестве одного из возможных мест встречи был предложен Рейкьявик. На вопрос Черняева, почему именно Рейкьявик, генсек ответил: «Место хорошее, как раз посередине между нами и ними, чтоб никому не было обидно». Эдуард Шеварднадзе отвез приглашение в Вашингтон 19 сентября. В своем письме Горбачев в качестве вариантов предложил Лондон и Исландию. Рейган согласился на Исландию. В письме предлагалось провести «короткую встречу один на один... может быть, даже всего на один день, чтобы у нас состоялся личный и открытый разговор, возможно, в присутствии только наших министров иностранных дел». Горбачев также предложил во время встречи «в особые подробности не вдаваться», а подготовить почву для подписания соглашения в ходе отдельного саммита. Рейган тогда записал в своем дневнике, что «встреча будет подготовкой к саммиту».

Однако на самом деле планы у Горбачева были гораздо более амбициозные. Он начал подготовку к тому, чтобы сделать американцам крайне серьезное предложение. Генсек надеялся сделать огромный шаг вперед за очень короткий промежуток времени. Вместе с Черняевым он планировал, что встреча с Рейганом станет поворотной точкой в гонке вооружений. Саммит должен был вывести на повестку дня «радикальные предложения», писал Черняев. Выступая на Политбюро 22 сентября, Горбачев заявил, что готов рассмотреть возможность освобождения 25 заключенных из регановского списка советских диссидентов в качестве жеста доброй воли. В начале октября Горбачеву пришло письмо от Ахромеева и других видных деятелей с рекомендациями касательно советской позиции на саммите. Горбачев рекомендации отклонил; он был готов на более радикальные шаги. В разговоре с генсеком Черняев довольно точно охарактеризовал его настрой: «Наша главная цель в Рейкьявике, если я правильно Вас понял во время наших разговоров на юге, это ошеломить Рейгана нашим смелым, даже рискованным под-

ходом к основным проблемам мировой политики». Он убеждал Горбачева, что основной темой переговоров следует сделать стратегическое вооружение – ракеты, бомбардировщики и подводные лодки – и что добиваться следует их сокращения на 50%. Горбачев согласился, что цели нужно ставить радикальные, но он не хотел заикаться на цифрах. «Наша основная цель сегодня – это не позволить гонке вооружений вступить в новую стадию, – говорил он. – Если нам этого сделать не удастся, мы окажемся в еще большей опасности. Если мы не пойдем на какие-то отдельные, пусть даже значительные уступки, если мы будем жестко стоять на тех позициях, на которых мы уже давно настаиваем, в конце концов мы проиграем. Мы окажемся втянутыми в новый виток гонки вооружений, который мы просто не выдержим. Мы проиграем, потому что мы сейчас уже на пределе своих возможностей».

В противоположность Горбачеву Рейган к саммиту не особо готовился. Американцы понятия не имели о том, что на самом деле задумал Горбачев. Шульц писал Рейгану 2 октября, что центральным вопросом переговоров станет контроль над вооружениями, но при этом позиция СССР «будет абсолютно предсказуемая». В то же время специалист-советолог из Госдепа в своей двухстраничной записке писал: «Мы едем на саммит в Рейкьявик на следующей неделе, имея очень слабое представление о том, что предложит Горбачев».

В то же время в своих письменных инструкциях помощникам, составленных 4 октября, Горбачев предельно ясно дал понять, что планы у него самые радикальные. Он говорил о необходимости найти такое предложение для Рейгана, которое способно обеспечить «прорыв» – и самую верхнюю строку в горбачевском списке таких предложений занимала «ликвидация ядерного оружия». В качестве задачи на ближайшее будущее он намеревался положить конец гонке ракетных вооружений в Европе и устранить угрозу быстрых ракет *Pershing-2*. «Мы должны постоянно помнить о первоочередной для нас задаче – убрать *Pershing-2* из Европы, – говорил он. – Эти ракеты – как пистолет у нашего виска». Генсек также неоднократно упоминал «уничтожение всего ядерного оружия».

Своим помощникам он объяснил, что имеет четкую стратегию на переговорах. Он собирался предложить Рейгану радикальные соглашения, а если тот «откажется пойти нам навстречу, мы об этом объявим всему миру. Вот такой у нас план. И если даже нам не удастся добиться своих целей, мы, по крайней мере, сможем всем сказать: смотрите, на что мы были готовы пойти ради соглашения!»

Встреча Рейгана и Горбачева в Рейкьявике проходила в уединенном двухэтажном особняке Hofdi House, стоящем на берегу залива. Местные жители поговаривали, что в особняке водятся привидения. В 1952 г. его продал британский посол – в доме постоянно сами собой со стен падали картины. В день саммита, воскресенье 11 октября 1986 г., холодный североатлантический ветер принес с собой в город проливные дожди, а в перерывах между ними – ярко сияющее солнце. Встреча Рейгана и Горбачева началась в 10.40 утра. Оба уселись в коричневые кожаные кресла у небольшого столика. Вид из окон комнаты на первом этаже открывался на штормящее серое море. На противоположной стене висела картина, изображающая бьющиеся о скалы синие волны. В самом начале встречи, которая проходила наедине, Рейган повторил свою любимую русскую поговорку: «Доверяй, но проверяй». Горбачев же, не тратя времени даром, заявил, что переговоры по вооружениям зашли в тупик и необходимо придать им *новый импульс*. Пока он говорил, Рейган вдруг уронил свои шпаргалки с заготовками для переговоров. Чтобы как-то разрядить неудобный момент, Горбачев предложил пригласить министров иностранных дел присоединиться к разговору. В комнату вошли Шульц и Шеварднадзе. Вот как вспоминал увиденное Шульц: «У Горбачева вид был нетерпеливый и уверенный в себе – он на себя взял роль человека, который задает повестку дня и ведет заседание. А Рейган выглядел расслабленным, задумчивым и не настроенным на конфронтацию». Горбачев без долгих вступлений приступил к своим радикальным предложениям. Сюда входило 50-процентное сокращение *стратегических наступательных вооружений*. Этот расплывчатый термин был предложен самим Горбачевым и подразумевал очень широкий спектр вооружений. Генсек пообещал, что СССР согласится на глубокие сокращения своих ракет наземного базирования. Он также предложил

убрать из Европы все ракеты средней дальности, в том числе все ракеты *Пионер* и *Pershing-2*, и призвал к «полному и окончательному запрету ядерных испытаний». Следующим пунктом его инициативы была договоренность в течение еще 10 лет придерживаться Договора по ПРО, подписанного в 1972 г. Это наложило бы жесткие ограничения на давнюю мечту Рейгана: все исследования в области противоракетной обороны пришлось бы вести исключительно в рамках лабораторий.

Ответ Рейгана на горбачевские предложения был довольно формален; зачитывал он его со своих шпаргалок. Перевод во время встречи был последовательный, то есть после каждого высказывания делалась пауза для переводчика, а это занимало довольно много времени. Рейган повторил идею, ранее озвученную в его письме от 25 июля: после того, как система ПРО будет готова, Америка поделится ею с СССР; Договор по ПРО будет заменен на новое соглашение, при этом обе стороны добьются «полного уничтожения стратегических ракет». С самого начала переговоров Рейган настойчиво придерживался своей первоначальной позиции.

Во время первого перерыва, по словам Шульца, «атмосфера была очень взволнованная». Все понимали, что Горбачев предложил беспрецедентные и неожиданные уступки.

«Горбачев фактически приехал на эту встречу с богатыми дарами», – писал Шульц. По словам Пола Нинце, «это было самое лучшее советское предложение за последние 25 лет». Во время вечерней половины переговоров Рейган и Горбачев обсуждали 50-процентное сокращение вооружений. Советский лидер предлагал подвергнуть 50-процентному сокращению все без исключения стратегические наступательные вооружения. Рейган, однако, беспокоило, что такая формула даст какое-то преимущество Советскому Союзу. Однако атмосфера переговоров была деловая. Горбачев передал Рейгану информационную сводку по советским вооружениям. «Давайте это все урежем наполовину, – предложил он. – Вас беспокоят наши тяжелые ракеты *СС-18* – их мы тоже сократим на 50%». Оба лидера согласились, что подробности этой договоренности к следующему утру подготовят их помощники. После этого Рейган вновь вернулся к своей излюбленной теме – противоракетной обороне. Он убеждал Горбачева, что программа «сделает ракеты бесполезными», что она «даст нам гарантию от действий любого сумасшедшего» и что именно она является «лучшим способом гарантировать мир в течение всего нашего столетия».

Горбачев эту лекцию внимательно выслушал, однако все эти аргументы ему уже были давно знакомы. Он понял, что Рейган фактически не идет ни на какие уступки по предложению ограничить исследования в области ПРО рамками лаборатории. Горбачев вспылил; он предупредил Рейгана, что если американцы начнут создавать систему ПРО, СССР даст адекватный ответ, причем ответ будет «асимметричным». Он не уточнил, какие именно ответные меры имеются в виду, сказав лишь, что они будут «отличаться от американских».

Рейган, по-видимому, не понял, что под ответными мерами Горбачев подразумевал возможность массированного запуска такого огромного количества боеголовок, с которым просто не справится никакая система ПРО. Американский президент предполагал, что горбачевский *ответ* будет иметь ненаступательный характер, как и сама программа СОИ. Поэтому в ответ Горбачеву он сказал: «Ну, если вы придумаете что-то получше, то в таком случае, может быть, вы с нами поделитесь?»

«Извините, господин президент, – сурово ответил генсек, – но я идею о том, что вы поделитесь СОИ, всерьез не воспринимаю. Вы даже нефтяным оборудованием делиться не хотите, промышленными станками или оборудованием для переработки молока. Поэтому поделиться системой ПРО было бы просто второй американской революцией. А революции не так уж часто происходят. Так что давайте будем реалистами». Переговоры решили продолжить на следующий день, в воскресенье, что не входило в первоначальную программу. Помощникам поручили работать всю ночь над возможными компромиссами.

Шульц позднее вспоминал, что «характер запланированной встречи в Рейкьявике полностью изменился». Вместо коротких переговоров встреча превратилась в полноцен-

ный саммит. Всю ночь советские и американские переговорщики работали над поиском точек соприкосновения. Условия работы были нелегкие: в отсутствие ксероксов все документы приходилось печатать под копирку. Но к утру в результате не прекращавшихся всю ночь переговоров был готов проект радикального соглашения о резком сокращении ядерных арсеналов. И если бы переговоры в тот день остановились на уже достигнутом, если бы оба лидера просто подписали проекты уже согласованных договоренностей, Рейкьявик вошел бы в историю как поворотный момент в гонке вооружений. В Европе у обеих сторон после резких сокращений осталось бы всего по 100 ракет, а стратегические межконтинентальные ракеты подверглись бы 50-процентному сокращению. Это было бы невероятным достижением по сравнению с договоренностями, которых в свое время добились президенты Никсон и Картер. К примеру, подписанный в 1972 г. Договор об ограничении стратегических вооружений всего лишь заморозил количество ракетных носителей. Сейчас же перед Рейганом открывалась возможность пустить на металлолом половину грозных ракет *СС-18*. Президент согласился также и на переговоры о запрете на ядерные испытания. «Мы подходили к потрясающим по своим масштабам соглашениям, – писал Рейган в своих мемуарах через много лет. – В тот день мне казалось, что происходят эпохальные события».

Но тут Горбачев решил поднять ставки. «Я Вас сейчас проверяю на искренность», – сказал Рейгану генсек, вновь поднимая тему противоракетной обороны. Он объяснял своему собеседнику, что не требует от него отказаться от своей давней мечты, а всего лишь просит пока что оставить ее в рамках лаборатории. Поэтому Рейган у себя на родине «сможет продемонстрировать, что эта идея жива, что хоронить ее никто не собирается», уговаривал президента генсек. Но Рейган был непоколебим: «*Джинн* уже выпущен из бутылки. Даже если мы уничтожим наступательные вооружения, их потом можно будет опять создать. Я же предлагаю построить такую систему, которая сможет от них защитить весь мир и все будущие поколения, когда ни меня, ни Вас уже не будет в живых».

Горбачев настойчиво просил Рейгана пойти на уступки. «Как говорят в Америке, для танго нужны двое», – не сдавался он.

Тема разговора внезапно свернула к опасности ядерного оружия. Рейган вновь попытался объяснить, почему ему так дорога идея ПРО. «Я, по-моему, самый старый человек на этих переговорах, – сказал он. – И насколько я понимаю, после Первой мировой войны все государства решили отказаться от использования отравляющих газов. Но, слава Богу, что до сих пор существует противогаз. То же самое относится и к ядерному оружию. Даже если его запретят, у нас все равно останется против него щит на тот случай, если оно будет создано вновь».

«Ну что же, очевидно, президент США отступать не любит», – раздраженно ответил на это Горбачев. Он, похоже, уже смирился с вероятностью провала переговоров. «Я вижу, что возможности компромисса исчерпаны».

Однако сдаваться оба лидера пока еще не собирались. Горбачев продолжал настаивать на идее ограничения программы СОИ в рамках лаборатории.

Во время перерыва Шульц попытался предложить какую-то новую формулировку, которая бы позволила сохранить надежду на подписание хоть какого-то соглашения. Эту формулировку Рейган предложил Горбачеву: продление еще на 10 лет действия Договора по ПРО с продолжением в течение этого периода «исследований, разработки и испытаний» системы противоракетной обороны. Горбачев сразу увидел, чего в формулировке не хватает: в ней не было слова *лаборатории*. Он спросил Рейгана, специально ли опущено это слово. Тот ответил утвердительно.

Рейган также предложил договориться о двух пятилетних периодах на сокращение вооружений – именно о таких сроках сам Горбачев говорил в январе. Но в предложении Рейгана содержалось одно важное отличие: в первые пять лет оно предусматривало 50-процентное сокращение *стратегических наступательных вооружений*, а в следующие пять лет – сокращение оставшейся половины *наступательных баллистических ракет*. Горбачев вполне резонно заметил, что в эти два пятилетних периода предполагается сокращать две разные категории вооружений. Смысла в этом он не видел. В пер-

вую пятилетку сокращению подверглись бы все стратегические вооружения, а во вторую – только ракеты. Очевидно, что это два отдельных класса вооружений. «Тут какая-то путаница», – сказал генсек. Путаница действительно существовала. Американская формулировка была преднамеренно двусмысленной, в надежде удовлетворить обе стороны. «Я хочу понять, будут ли уничтожены все наступательные баллистические ракеты?» – настаивал Горбачев.

Он предложил заменить формулировку для второго этапа сокращений на «стратегические наступательные вооружения, в том числе баллистические ракеты». Возможно, добавил он, формулировку можно будет подкорректировать в дальнейшем.

И в этот момент Рейган решил пойти еще дальше, чем предполагали даже самые смелые инициативы. Это был невероятный момент в истории холодной войны, который настал внезапно, безо всякого предупреждения, без подготовки, без брифингов и межведомственного согласования, без пресс-конференций и выступлений.

«Позвольте мне спросить вот что, – начал Рейган. – Действительно ли мы хотим – а я считаю, что это было бы очень хорошо – чтобы по окончании этих двух пятилетних периодов у нас не осталось вообще никаких взрывных ядерных устройств, в том числе бомб, снарядов, крылатых ракет, оружия подводного базирования, систем средней дальности и так далее?»

«Можно внести это в договор, перечислить все эти типы вооружений», – согласился Горбачев.

«Так давайте так и сделаем», – воскликнул Шульц.

Предложение Рейгана во всех отношениях являлось наиболее конкретной и радикальной инициативой из всех, что когда-либо официально предлагались американскими президентами по время переговоров между двумя супердержавами. Это была уже не просто уловка за столом переговоров. Ранее Рейган уточнял, что речь идет только о баллистических ракетах, или прибегал к заведомо расплывчатым формулировкам относительно того, какие типы вооружений подвергнутся сокращениям. Сейчас же он отбросил в сторону все недомолвки, ясно и четко предложив пойти на всеобъемлющее ядерное разоружение.

Никакой путаницы и никаких колебаний больше не оставалось. Рейган в тот момент продемонстрировал самую суть своих убеждений, находясь на самом пике своей власти.

Но, увы, в этот момент Рейган и Горбачев не взяли ручку с бумагой и не подписали только что достигнутую договоренность. Это стало их величайшим упущенным шансом.

Горбачев настаивал, что возможность подписания подобного соглашения все еще сохраняется – однако он опять потребовал ограничения исследований по системе ПРО в рамках лаборатории. «Вопрос лабораторий имеет фундаментальное значение», – повторил он.

Однако Рейган идти на уступки отказывался, вновь уверяя генсека, что его цель – создание «противогаза против ядерных ракет» и гарантии против «потенциальных ядерных маньяков».

«Да, слышал я уже и про маски, и про маньяков десять раз, – отмахнулся от него Горбачев. – Меня это все равно не убеждает». Он вновь повторил свое требование об ограничении исследований по ПРО рамками лаборатории.

«Но ведь Вы таким образом сжигаете все мои мосты к продолжению программы СОИ», – убеждал его Рейган.

«Касательно лабораторий, Ваша позиция окончательная? – спросил его Горбачев. – Если так, то можно на этом нашу встречу заканчивать».

«Да, позиция окончательная», – ответил Рейган.

За этим последовал еще один тур пререканий, но уже без какого-либо результата. Горбачев призывал президента проникнуться исторической значимостью момента. Если Рейган подпишет соглашение, содержащее все те уступки, на которые готов пойти Советский Союз, то войдет в историю «без преувеличения, как великий президент».

«Вы сейчас от этого стоите буквально в двух шагах», – уговаривал Рейгана генсек. Если соглашение будет подписано, «то встреча наша увенчается успехом». А если нет, то «давайте тогда расстанемся и забудем о Рейкьявике. Но другого такого шанса уже не будет. У меня, по крайней мере, уже точно не будет».

И Рейган, и Горбачев, похоже, чувствовали, что исторический момент ускользает.

«Неужели Вы действительно откажетесь от этой исторической возможности ради одного слова в тексте?» – спросил президент Горбачева, подразумевая слово *лаборатория*.

«Вы говорите, что дело в одном слове, – возмущенно ответил тот. – Но дело не в одном слове, дело в принципе!» Если Горбачев вернется в Москву, позволив Рейгану развернуть систему ПРО, то его «назовут дураком и безответственным лидером», объяснял генсек.

«У нас сейчас дело стало за одним-единственным словом, – удрученно ответил Рейган. – Я хочу еще раз Вас попросить изменить свою точку зрения, сделать это в качестве личного мне одолжения, чтобы мы с Вами могли выйти к людям в качестве миротворцев!»

«Я на Ваше предложение пойти не могу, – ответил Горбачев. – Если Вы согласитесь запретить испытания в космосе, то мы подпишем соглашение через две минуты. Ни на что другое мы пойти не можем... Я и так уже сделал все, что мог».

«Либо мы вносим слово *лаборатория*, либо прощаемся», – цитировал позднее Шульц Горбачева.

Рейган тогда передал записку Шульцу со словами «Я неправ?».

«Нет, Вы правы», – прошептал ему в ответ Шульц.

По словам госсекретаря, в этот момент Рейган поднялся и начал собирать свои бумаги. Встал и Горбачев. «Когда двери Hofdi House наконец открылись и мы вышли на улицу, было уже темно, – вспоминал потом Шульц. – Мы едва не ослепли от света софитов, но по выражению наших лиц результат переговоров был понятен». «Лица были грустные и разочарованные», – вспоминает Черняев.

«Я сохраняю надежду, что нам все-таки удастся достичь соглашения», – сказал Горбачеву Рейган в момент расставания.

«Мне кажется, что никакого соглашения Вы на самом деле не хотите, – ответил ему Горбачев. – Со своей стороны я не знаю, что еще я мог сделать».

«Вы могли бы сказать *да*», – ответил президент.

«Больше мы уже не увидимся», – бросил ему Горбачев, подразумевая, что не увидятся они в Рейкьявике. Но слова его услышали и неправильно поняли члены делегации. Немедленно пошли слухи, что переговоры окончились ужасным провалом.

Вернувшись в свою резиденцию, Рейган и Шульц вместе с ближайшими советниками в полном истощении упали в кресла в солярии. «Какая неудача. И все из-за одного дурацкого слова», – сокрушался Рейган.

В ту ночь он сделал краткую запись в своем дневнике. «Он хотел внести такую формулировку, которая бы похоронила СОИ. Цену он предлагал хорошую, но я от сделки отказался. Вот так и закончился день. Все наши люди считают, что я поступил абсолютно правильно. Я пообещал, что не сдам СОИ, и не сдал. Но это означает, что все договоренности по сокращению вооружений провалились. Я был зол – он пытался сохранять дружелюбную манеру, но я был зол и не скрывал этого. Ну, что же, теперь мяч на его стороне. Я убежден, что он передумает, когда увидит мировую реакцию».

ВОЗВРАЩЕНИЕ НАДЕЖДЫ

Горбачев тоже был раскален до кипения: «Моя первая реакция была разнести американцев в пух и прах в соответствии с нашим планом, составленным еще в Москве. Мы тогда решили, что если американцы отвергнут соглашение, если они не пойдут на компромисс во имя мира, мы осудим американскую администрацию и ее опасную политику как угрозу для всего мира».

Как писал потом Черняев, именно такие указания дало Политбюро Горбачеву: подвергнуть Рейгана и американцев жесточайшей критике, если они откажутся от советского предложения.

Но по дороге на пресс-конференцию Горбачева мучили сомнения. Окончательного соглашения ему с Рейганом достичь не удалось, но неужели они совсем ничего не добились?

«Моя интуиция мне подсказывала, что нужно остыть и все тщательно обдумать. И пока я все это обдумывал, сам не заметил, как оказался в огромном зале для пресс-конференций. Нас ждали около тысячи журналистов. Все эти безжалостные, зачастую циничные и бесцеремонные журналисты уже давно нас ждали. В воздухе чувствовалось напряжение. Внезапно на меня нахлынули эмоции, я был просто потрясен. Мне казалось, что все эти люди, собравшиеся в зале, представляют собой человечество, которое ожидает от нас решения своей участи».

В тот день произошел еще один драматический поворот событий. Горбачев решил проигнорировать указания Политбюро и не разносить Рейгана в пух и прах, а продемонстрировать оптимизм.

«Нам уже о многом удалось договориться, – сказал он журналистам. – Мы проделали серьезный путь».

Примечания

¹ Статья предоставлена автором специально для российского издания журнала *Индекс Безопасности*. Она подготовлена на основе книги: Hoffman David. *The Dead Hand: the Untold History of the Cold War Nuclear Arms Race and its Dangerous Legacy*. Doubleday: 2009. 580 p. (См.: <http://thedeadhandbook.com/>). В апреле 2010 г. за эту книгу Дэвид Хоффман получил Пулитцеровскую премию.

² Имеется в виду генеральный секретарь ЦК КПСС (1982—1984) Ю.В. Андропов.

³ Центр объединенного командования воздушно-космической обороны Северной Америки.

ЭЛЕКТРОННЫЙ БЮЛЛЕТЕНЬ ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ

Электронный новостной бюллетень *Ядерный Контроль* представляет собой подборку материалов российских средств массовой информации по проблемам нераспространения ядерного оружия и средств его доставки, а также атомной энергетики. Формат бюллетеня позволяет сконцентрироваться в первую очередь на проблемах, связанных с мирным и военным использованием атома, а также с разоружением. Материалы бюллетеня публикуются в следующих разделах:

- ❑ **Календарь.** Обзор основных событий недели в области атомной энергетики, мирного и военного использования атома, ракетной техники.
- ❑ **Ракетное и ядерное досье.** Ключевые события в *зеркале* российских СМИ в ракетной и ядерной сферах. В разделе публикуются аналитические и информационные статьи, посвященные вопросам контроля над вооружениями, ОМУ-терроризма, экспортного контроля, ядерной энергетики и другим актуальным проблемам международной безопасности.
- ❑ **Мнение.** Интервью и выступления известных политиков и ведущих российских экспертов по вопросам внешней политики и глобальной безопасности в преломлении к вопросам ядерной энергетики, ядерного оружия и средств его доставки, а также материалы эксклюзивного характера от агентства *ПИР-ПРЕСС*, которые представляют собой комментарии и оценки сотрудников ПИР-Центра по наиболее актуальным проблемам.
- ❑ **Информация ПИР-Центра.** Представляет собой *бортовой журнал* ПИР-Центра, в котором Вы найдете информацию о текущей деятельности и новых проектах Центра.

Бюллетень уделяет внимание проблемам создания и нераспространения ядерного оружия и предоставляет свою трибуну не только политикам, военным и экспертам по профильным вопросам, но также дает слово своим читателям. *Бюллетень выходит дважды в месяц по четвергам.*

Вы можете подписаться на электронный бюллетень на сайте интернет-представительства ПИР-Центра по адресу **<http://pircenter.org/subscription>**

По всем вопросам, связанным с электронным новостным бюллетенем Ядерный Контроль, следует обращаться к редактору Надежде Теллер по электронной почте teller@pircenter.org.